

Олег Мухутдинов

ЮМОР И ФИЛОСОФИЯ

Гераклит всякий раз, как выходил на люди, плакал, а Демокрит смеялся: одному все, что мы делаем, казалось жалким, а другому – нелепым.

Сенека. О спокойствии духа, XV, 2 [10, с.181]

Рассказывают, Феодор, что, наблюдая звезды и глядя наверх, Фалес упал в колодец, а какая-то фракиянка – хорошенькая и остроумная служанка – подняла его на смех: он, мол, желает знать то, что на небе, а того, что перед ним и под ногами, не замечает.

Платон, Теэтет, 174 а 4 [1, с.75]

Народ смеется над такими вещами и обладает тем преимуществом, что философы не могут возразить ему таким же смехом; но люди не понимают, что философы смеются над ними, которые, разумеется, не могут упасть в яму, потому что они как раз навсегда лежат в ней и не обращают своих взоров ввысь.

Гегель, Лекции по истории философии. Книга 1 [4, с. 203]

В одной из последних сцен фильма Дерика Джармена «Витгенштейн» главный герой говорит о том, что он всю жизнь мечтал написать философскую работу, которая состояла бы из одних только шуток. На вопрос собеседника, почему же он этого не сделал, Витгенштейн отвечает: «Наверное, потому что у меня нет чувства юмора».

Чувство юмора не чуждо науке, шутить умеют и математики, и физики. Правда, по большей части, они шутят тогда, когда не занимаются серьезной наукой. Что же философы? Если наука является серьезной деятельностью, то должна ли философия, поскольку она является основанием науки, исключать не только легкомыслие, но и более основательную веселость? Иными словами, должна ли философия, притязаящая на «научный» статус, быть скучным занятием? Очевидно, нет. Философы также

знают толк в хорошей шутке. Тем не менее, речь идет не просто о чувстве комического, проблема состоит в том, может ли философия быть веселой наукой. Так возникает идея исследования внутренней взаимосвязи философии и юмора.

Но это исследование не может носить теоретический характер. Теория предполагает объективацию первоначально данного. Наука имеет дело с предметами. Наука объективирует. Исследование сущности юмора не может быть осуществлено посредством представления феномена юмора в качестве объекта. Юмор не противостоит философии в качестве некоего «пред-». Впрочем, философия и не имеет дела с объектами. То, с чем имеет дело философия, может быть выражено с помощью немецкоязычного оборота – если немецкий язык позволяет высказаться таким образом: философия имеет дело не с *Gegenstand*, не с тем, что «находится напротив», но с тем что «находится в» – *Instand*. На языке феноменологии это означает: задачей философии является исследование сущностей. Речь идет о сущности юмора. Юмор есть феномен действительной жизни и может быть понят только из и в самой действительной жизни. В таком случае, постановка вопроса о сущности юмора и его значении для философии должна осуществляться на дотеоретическом уровне. Это означает, что философию следует рассматривать как определенный способ существования человека, а юмор – как феномен, возникающий из человеческого существования (*Entstand*). Аналитика юмора в философии предполагает описание некоторых непосредственных ситуаций из жизни великих мыслителей.

1. Х.-Г. Гадамер описывает ситуацию из жизни Пауля Наторпа. Однажды перед лекцией Наторп обнаружил, что он забыл захватить с собой рукопись лекции. В спешке Наторп отправился домой, забрал с письменного стола рукопись и быстрым шагом направился к выходу. Здесь он встретил свою жену, которая сказала ему: «Пауль, ты одет в домашний костюм». Наторп переоделся, вернулся в университет и обнаружил, что текст лекции остался дома [2, s. 50].

2. Дерек Джармен в фильме о Витгенштейне изображает сцену диалога между Витгенштейном и Софьей Яновской. Яновская ссылается на сложную политическую ситуацию, в

которой находится Советский Союз, и советует Витгенштейну больше читать Гегеля. Витгенштейн отвечает: «Это шутка?! Я не могу читать Гегеля. Он приводит меня в бешенство», – и, в свою очередь, спрашивает Яновскую: «Вы не читали книгу Троцкого об искусстве? Это гораздо интереснее».

3. Есть известный анекдот о том, что некогда французский студент попросил Гегеля изложить ему «Науку логики» кратко и по-французски. Гегель ответил, что ни первое, ни тем более второе не представляется возможным.

4. О Диогене из Синопа рассказывают, что однажды «он повстречал Платона, когда ел сушеные фиги, и сказал ему: «Прими и ты участие!» Тот взял и съел, а Диоген: «Я сказал: прими участие, но не говорил: поешь» [8, с. 222].

Все эти забавные истории приведены здесь с одной целью: продемонстрировать связь юмора и философии в действительности. Первая ситуация представляет философа в повседневной жизни, т. е. в будничности. Мы видим, что человек, который в научном исследовании стремится учитывать все возможные обстоятельства, в будничности способен упускать из виду самые простые вещи. Вторая ситуация – это разговор двух людей, не о философии, но в связи с философией (понятие философии берется здесь в широком, т. е. не аутентичном смысле – с точки зрения мировоззрения). Участники диалога весьма серьезны, реакция Витгенштейна вызывает у Софьи Яновской не улыбку, но испуг – «Троцкий – это опасно, Троцкий – это Сибирь!». И все же, со стороны на эту ситуацию нельзя смотреть без улыбки. В третьей ситуации речь идет о неуклюжих попытках перенести определенный стиль мышления с одной почвы на другую без учета конкретных особенностей исторического существования. Можно сказать, что шутка Гегеля непосредственно вытекает из оснований его логики. Чтобы достичь знания, необходимо пройти весь путь, задерживаясь на каждом его этапе. В философии нет царского пути, здесь нельзя пройти более короткой дорогой. Если принять во внимание, что Гегель в понятии имел в виду именно понятие, а не предмет, если вспомнить, что во Франции по большей части господствовали системы сенсуалистического характера, то смысл шутки Гегеля станет понятным. Наконец, в четвертой ситуации безобидный с виду анекдот содержит скрытую полемику против

оснований философской теории. Платон ввел теорию, согласно которой истинным бытием обладают идеи, а не вещи. Вещь является, к примеру, прекрасной, если она причастна идее прекрасного. Диоген демонстрирует недостаточность платоновского воззрения.

Выявление внутренней связи философии и юмора предполагает, поэтому, исследование следующих моментов. Прежде всего, необходимо произвести анализ юмора как средства отношения философии к будничности (I); далее следует показать характер существования юмора в действительной жизни (II); на этом основании можно будет понять роль юмора как средства ведения философских дискуссий (III).

I

Витгенштейн утверждает: если бы лев умел говорить, мы бы его не поняли. Понять – значит, представить себе определенную форму жизни. Но мы не можем представить себе мир льва. Один из студентов тут же реагирует на замечание Витгенштейна: если мы поймем профессора, то со львом особых проблем у нас не будет.

В юмористической форме здесь подчеркивается принципиальный характер отношения действительной жизни к философии: непонимание. Жизнь в ее повседневном существовании есть будничность. Будничность стремится к устойчивой определенности, в которой она обретает уверенность. Несмотря на то, что философия всегда возникает из фактической жизни, их тенденции радикальным образом отличаются друг от друга. Жизнь является практической, философия – теоретической деятельностью (более того, поскольку в феноменологии философия рассматривается как основание системы научного знания, постольку здесь предпринимается попытка выхода в область дотеоретического). Философия есть исследование, причем такое, которое ставит вопрос об основаниях предмета познания. Хайдеггер указывает, что эта наука является свободной предрасположенностью к пониманию первоначально данного: φιλοσοφία. Φίλεσν означает «любить» в смысле: самозабвенно заниматься исследованием о...; σοφός – это тот, кто понимает, т. е. может противостоять вещи, тот, кто рассматривает все возможности, для кого вещь прозрачна, поскольку постигнута в

понятии; σοφία обозначает возможность правильного постижения в понятии того, что является существенным [6, s. 14]. Существенным оказывается наше собственное существование, в центре внимания философии всегда находится действительная жизнь. Речь идет, поэтому, об основаниях самой жизни. Когда определенность будничности превращается в ограниченность, уверенность становится самоуверенностью, а устойчивость ведет к закостенелости, философия выступает в роли критической теории, нарушая, тем самым, спокойное течение жизни. Непонимание является естественной реакцией будничности в отношении философии. То, что будничность не понимает, она делает предметом насмешки: хорошенькая фракиянка смеется над Фалесом, а Аристофан – над Сократом.

Но если будничность отказывается от понимания заключенной в философии критической тенденции осмысления оснований существования, то она все же оставляет за собой право на суждение о ценности философии. «Относительно всех наук, изящных и прикладных искусств, ремесел распространено убеждение, что для овладения ими необходимо затратить большие усилия на их изучение и на упражнение в них. Относительно же философии, напротив, в настоящее время, видимо, господствует предрассудок, что, – хотя из того, что у каждого есть глаза и руки, не следует, что он сумеет сшить сапоги, если ему дадут кожу и инструменты, – тем не менее каждый непосредственно умеет философствовать и рассуждать о философии, потому что обладает для этого меркой в виде своего природного разума, как будто он не обладает точно так же меркой для сапога в виде своей ноги. – Будто и впрямь овладение философией предполагает недостаток знаний и будто она кончается там, где последние начинаются» [3, s. 62]. Но когда будничность обнаруживает свою неспособность продвинуться в философии дальше банальных суждений, она возлагает вину за это отнюдь не на недостаток собственных знаний и отсутствие способности суждения: ссылаются, как правило, именно на непонятность самой философии («Ты заканчиваешь свою книгу словами: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» – говорит Витгенштейну его сестра. «Вот и надо было молчать. Я не поняла ни слова. Это какой-то птичий язык»).

Разумеется, притязания будничности в отношении

обладания знаниями об основаниях решающих вещей нельзя воспринимать всерьез. Поэтому позиция Демокрита выглядит более предпочтительной. Демокрит смеялся, значит, обладал изрядным чувством юмора в отношении жизни. Но какую роль играет при этом юмор? Является ли юмор неким подобием феноменологической редукции, методом, позволяющим заключить фактическую жизнь «в скобки», чтобы достичь тем самым жизни в чистой теории? Вряд ли. Юмор обнаруживает жизненность самой философии. Юмор демонстрирует открытость философии для жизни.

II

Способность человека воспринимать комическое в жизненной ситуации называется чувством юмора. Выражение «чувство юмора» воспринимается, прежде всего, как *genitivus obiectivus*, т. е. как чувство, направленное на некий объект. Но речь здесь идет не о чувственном восприятии, обладать чувством юмора – значит, обладать способностью понимания смешного и комического. Тем не менее, даже те люди, которые более других наделены способностью понимать юмор, могут иногда оказаться в ситуации, когда им становится «не до смеха». Если исходить из представления о действительной жизни, то это означает: человек может быть расположен или не расположен реагировать на смешное. Расположенность является фундаментальным экзистенциальным определением существования и указывает на настроение – не в психологическом, но в онтологическом смысле. «*In der Gestimmtheit ist immer schon stimmungsmäßig das Dasein als das Seiende erschlossen, dem das Dasein in seinem Sein überantwortet wurde als dem Sein, das es existierend zu sein hat*» – в настроении существование раскрыто как сущее, существование направлено на бытие этого сущего (т. е. на бытие *Dasein*), поскольку оно должно быть именно этим бытием [7, s. 134].

Так возникает вторая возможность истолкования феномена чувства юмора посредством *genitivus subjectivus*: это чувство, возникающее из экзистенциально-онтологической конституции нашего существования. Чувство юмора укоренено в изначальной открытости существования и связано с речью. Только существо, обладающее речью, способно понимать юмор. Сущность речи заключается в том, что она есть выявление существующего

сообразно способу его существования. Поскольку речь составляет основание существования и поскольку речь является, прежде всего, речью будничности, опирающейся на видимость, постольку речь может не выявляющей, но скрывающей суть дела. В этом случае, юмор позволяет показать положение вещей в истинном свете. Юмор, поэтому, выполняет не функцию редукции, но функцию выявления.

Но можно попытаться подойти к исследованию феномена юмора и с другой стороны. Для этого следует задать вопрос: кто обладает чувством юмора? В первую очередь, человек веселого нрава. В традиционной психологии существует учение о темпераментах, это учение может быть принято с изрядной долей условности, тем не менее, оно дает возможность раскрыть некоторые существенные моменты в исследовании собственно философского юмора. Кант рассматривает сангвинический темперамент человека веселого нрава как темперамент чувства и отличает его от темперамента деятельности. Сангвиник характеризуется как «человек беззаботный, полный надежд; каждой вещи он на мгновение придает большое значение, а через минуту уже перестает о ней думать». Человеку, обладающему чувством юмора, становится смешно, когда он видит, как ничего не значащим вещам придают большую ценность. Сангвиник отличается тем, что он «готов ничему в мире не придавать большого значения» [9, с. 536].

Если чувство юмора в действительной жизни выявляет несоответствие между притязанием на значимость и фактической значимостью, то в философии такое чувство становится требованием критической переоценки всех ценностей. Не в этом ли заключается идея «веселой науки» Ницше?

III

Предшествующие рассуждения позволяют перейти к заключительной части статьи: исследованию юмора как средства ведения философской полемики. Вероятно, наилучшей иллюстрацией того, что философы обладают чувством юмора, послужили бы жизнеописания знаменитых мыслителей Диогена Лаэртского. Тем не менее – и, быть может, несколько неожиданно, – речь пойдет не об исторических анекдотах; по определенным причинам и с определенной целью речь со всей серьезностью

пойдет о Марксе. Маркс – блестящий стилист и беспощадный критик. Со своими противниками Маркс не церемонится, он не просто критикует Бруно Бауэра или Макса Штирнера – он их высмеивает. О философии Маркс тоже иногда говорит с явным сарказмом. Но если дело касается полемики с серьезными противниками, Маркс подходит к нему более основательно.

Это относится к критике гегелевской философии. Первые попытки содержательной критики Гегеля были вскоре оставлены Марксом – систему Гегеля необходимо опровергнуть из ее принципа. Для Гегеля предмет философии является тождественным предмету теологии, поскольку только Бог является истинным. Маркс утверждает, что метод гегелевской философии безупречен, но ее содержание ложно. Поэтому философия у Гегеля стоит на голове и ее необходимо поставить на ноги. Критика теологии становится основанием критики философии. Суть дела заключается, между тем, не просто в споре двух философов, речь идет о борьбе за историческое мировоззрение.

Гегель утверждает: «Zuerst müssen wir beachten, daß unser Gegenstand, die *Weltgeschichte*, auf dem geistigen Boden vorgeht», история разворачивается на духовной почве [5, s. 29]. Сущностью духа является свобода, история есть не что иное, как прогресс в сознании свободы. Вместе с тем, история – это процесс, происходящий во времени. Идею времени Гегель понимает логически, поэтому история у него превращается в необходимый процесс, целью которого является осуществление свободы. Все промежуточные ступени рассматриваются у Гегеля как моменты перехода к более высокому состоянию. Поскольку Гегель мыслит историю в целом, его философия истории есть метафизика.

Критика концепции истории Гегеля в «Немецкой идеологии» заключается в том, что история здесь понимается как процесс, основанием которого является материальное производство. Материальное производство является условием возможности исторического синтеза. При этом, Маркс сохраняет основные идеи философии истории Гегеля: история демонстрирует развитие человеческого общества; человек свободен по своей сущности, но он пребывает в состоянии отчуждения; отчуждение должно быть преодолено. Отчуждение Маркс отождествляет с частной собственностью, положительное

упразднение частной собственности ведет к возникновению нового способа производства, следовательно – к освобождению человечества во всемирном масштабе.

Дело не просто в том, что Маркс некорректно понял проблему отчуждения – по все видимости, преодоление одной формы отчуждения ведет к возникновению другой. Как только Маркс принял диалектический метод Гегеля, он воспринял и основание его исторической схематики. Поэтому и у Маркса история обладает характером жесткой логической детерминированности и предстает в виде необходимого процесса. Идея коммунизма является следствием той исторической логики, которую Маркс некритически заимствует у Гегеля.

Основанием «Логики» Гегеля является традиционная европейская онтология. Поскольку Маркс перенимает метод Гегеля, он воспринимает вместе с ним и принцип онтологического построения философии. Утверждение самого Маркса о том, что история повторяется дважды, один раз в виде трагедии, другой раз – в виде фарса, относится и к нему самому. Маркс на словах отказывается от европейской традиции, на деле же его философия истории обусловлена этой традицией. *Naturam furca expellas, tamen usque redibit* (Вилой природу гони, она все равно возвратится). Поэтому одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе невозможно удержать.

Если бы к немецкой философии отнеслись не столь серьезно, как это было сделано, многих исторических трагедий можно было бы избежать. Теперь к этой ситуации можно было бы отнестись с юмором, вот только почему-то вспоминается знаменитая реплика Городничего из «Ревизора» Гоголя: «Чему смеетесь...». Так возникает требование – относиться к традиции с юмором. Это требование не означает, что исторические философские учения следует воспринимать легкомысленно, оно означает только одно: нельзя воспринимать все излишне серьезно. Человечество выжило, потому что смеялось. Философия останется философией, если она будет опираться на принцип сократической иронии. Для этого она должна демонстрировать постоянную готовность к возобновлению исследования.

1. Die Fragmente der Vorsokratiker. Erster Band. Berlin, 1934.

2. Hadamer H.-G. Philosophische Lehrjahre: eine Rückschau. Frankfurt a. M., 1995.
3. Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes // Werke in 20 Bänden; Bd. 3. Suhrkamp Verlag, 1970. [В русском переводе: Гегель Г. Феноменология духа. – СПб., 1992. – С. 36].
4. Hegel G. W. F. Vorlesungen Über die Geschichte der Philosophie // Werke in 20 Bänden; Bd. 18. Suhrkamp Verlag, 1970. [В русском переводе: Гегель Г. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб., 1993. – С. 203].
5. Hegel G. W. F. Vorlesungen Über die Philosophie der Geschichte // Werke in 20 Bänden; Bd. 12. Suhrkamp Verlag, 1970.
6. Heidegger M. Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz. (SS 1928). GA 26. / Hrsg. von K. Held. Frankfurt a. M., 1990.
7. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1979.
8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986.
9. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч. в 6-ти тт. – Т. 6. – М., 1966.
10. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. – М., 1989.